

18+

Юлия
Тауф

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Заставь меня

ОСТАТЬСЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Соколовские

Юлия Гауф

Заставь меня остаться

«Автор»

2023

Гауф Ю.

Заставь меня остаться / Ю. Гауф — «Автор»,
2023 — (Соколовские)

— Почему ты хочешь работать на меня? Я жду правду, а не типичные фразы в ответ.— Зарплата хорошая, — выдохнула я.— Значит, только деньги. Ну что ж, — Марат опасно сверкнул черными глазами, — у меня к тебе предложение, Алика. Тебе нужны деньги, мне — любовница. Та, которая будет давать по первому требованию, и не делать мозг. Деньгами не обижу. Устраивает? — Любовница? — прошептала я.— Любовница. Можно назвать честнее и грубее. Никаких отношений, за ручки я держаться не собираюсь. Просто секс, а взамен — деньги. Согласна? Нужно уйти, мне нужно бежать отсюда. Раньше я бы так и поступила, еще бы и пощечину влепила, но... не в этот раз— Я жду!— Я согласна, — не верю, что произнесла это. — Согласна стать вашей любовницей. Первая часть дилогии "Порочные чувства" доступна бесплатно.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юлия Гауф

Заставь меня остаться

Глава 1

Неделю спустя

Не знаю, зачем я продолжаю звонить. Телефон у папы выключен, и самого папы уже нет. А я всё звоню.

Глупо это, осознаю. Но остановиться не могу, хотя каждый раз клянусь себе – это последний звонок.

– Я так и не поняла, что произошло, – Кристина налила мне вторую чашку какао, и я опустила телефон. – Пей, пока горячий. Или горячее, а? Черт, в русском я профан. Так что у вас произошло-то с твоим миллиардером?

– Ничего. Расстались.

– Пф-ф-ф-ф, – Кристина закатила глаза. – Изменил, да?

Лучше бы изменил. Оказывается, измена – не самое страшное, что может случиться. Я бы её не простила, но не ненавидела бы после. Обижалась бы, плакала, но не ненавидела.

– Да, изменил, – сдалась я, ведь не смогу я озвучить то, что произошло.

Я и сама до конца не понимаю. И до сих пор не могу поверить. Шок не отпускает. Он со мной и днем, и ночью, хотя я осознаю – мне нужно успокоиться ради малыша. Сейчас я в ответе за ребенка, и должна беречь его, а не мучить. Но сердцу-то не прикажешь. И по щелчку пальцев я не могу стать веселой и позитивной.

Я умереть хочу.

– Вот сволочь! Алька, не кисни, почти все они такие. Козлы. Либо простишь со временем, либо не простишь, и продолжишь нормально и без него жить. Но ты же малОго ждешь. Пусть участвует! Причем нормально пусть помогает, уж может себе позволить тебя озолотить. Квартиру, машину, тысяч пятьсот в месяц пусть отстегивает. Не строй из себя дурочку-гордячку, кому это надо вообще?

Я скривилась, представив, что мне придется у Марата хоть копейку принять.

Вещи он мне так и не прислал.

Я звоню папе. Безответно. А Марат звонит мне. Ответила я лишь раз – на следующий день, и сказала, чтобы прислал мне мои вещи курьером.

Я же домой явилась, даже ключи забыв у Марата. Хорошо хоть Кристина дома была, и дала мне запасной комплект. Хожу в старой одежде, документов нет, ноутбук у меня Кристинкин старый. Нужно бы набраться смелости, и заявиться за вещами. Карту Марату вернуть, подарки. И забрать то, что моё.

Но я не могу. Тошнит при одной мысли, что придется вернуться хоть на миг. Пусть даже его дома не будет. Пусть даже не увижу. Не могу, и всё тут.

Я и неделю назад не знала, что делать, и сейчас. Не знаю. В полицию идти с заявлением? Доказательств нет. А даже если бы была запись самого... Боже, самого убийства, то со связями Марата, дело бы замяли. Деньги, к сожалению, решают всё, и я – пыль, по сравнению с Маратом.

Была мысль позвонить Дмитрию Константиновичу. Это же его сынок Егора пытал! Но чем он мне поможет? Только навредит. А папу уже не вернуть... и я не хочу в это верить, хотя

я и почувствовала, что папы больше нет. Еще в машине, когда меня везли из стоматологии, почувствовала.

Но я же должна хоть что-то предпринять? Почему я такая слабачка? Почему?!

– Аль, ау, ты в астрале, или на грешной земле?

– Что? – прошептала.

– Я говорю – пусть баблом поделится на ребенка, – возмутилась Кристина.

– Ой, отстань. Ребенок еще не скоро родится, – отмахнулась.

Да и не хочу я, чтобы Марат вообще к нему приближался. Не нужен моему ребенку такой отец. Марат, думаю, не будет против не общаться. Он же не хотел его.

– Кстати, он приходит виниться перед тобой? Мужики же обычно так и говорят, мол бес попутал, ты все не так поняла, и бла-бла-бла.

– Кристин, хватит про Марата. Прошу тебя!

– Я и так неделю целую тебя не спрашивала!

– Вот и дальше не спрашивай. Без обид, но... не могу я о нем. Не могу, ясно? – губы дрожат, я до сих пор чуть что – сразу в слезы.

И слезы эти я спрятала, отвернувшись к окну.

Приходит ли Марат виниться? Приходит. Каждый вечер, начиная с самого первого. Ключ я всегда держу в двери, чтобы Марат не открыл мою квартиру. Уверена, комплект ключей у него есть. Да и так он бы легко справился с замком. Но он звонит трижды, и стоит за дверью.

Каждый вечер.

Я не говорю с ним. Не открываю. Один раз смотрю в глазок, и тут же отворачиваюсь. Просто стою в коридоре, и жду, пока он уйдет.

Иногда на меня находит. Метнуться на кухню, схватить нож, открыть дверь, и ударить. Попытаться хоть. Или просто открыть, высказать все, избить. Пожелать сдохнуть. С лестницы спустить. Хоть что-то предпринять.

Но я останавливаю себя.

Всё это – истерика. Ни к чему она не приведет, я всего лишь расписхуюсь еще сильнее, и рискну своим ребенком. Малыша я уже люблю. Плевать мне, кто его отец. Он мой, это главное. Единственная семья, что у меня осталась – это мой сын, или моя дочь.

Больше-то никого нет...

– И всё же, Марат...

– Хватит! – стукнула я кулаком по столу. – Марат, Марат... надоело, Кристин! Сказала же, что не хочу о нем слышать. Но раз уж зашла речь – ты подруга мне. И я тебя очень прошу, не смей нас мирить якобы из добрых побуждений, хорошо? Если явится к тебе, то не пытайся мне «добро» сделать, и устроить нам разговор. Я этого терпеть не могу.

– Я и не собиралась, – парировала она, но как-то неуверенно.

– Вот и не думай об этом. Иначе я и тебе не прощу. У меня своя голова на плечах есть. И, знаешь, Кристин. Тебе повезло, что Вова твой от денег отказался отцовских, и своей дорогой идет. Рядом с миллиардером лучше равной быть, а не нищенкой. Я только сейчас это поняла. Тот, кто сильнее, рано или поздно своей силой воспользуется, и не на благо.

– И Марат воспользовался?

– О да, – скривилась я. – Всё. Хватит. Больше ни единого слова о нем.

– Ладно, – Кристина опустила голову. – А хочешь, я тебе про Вована расскажу? Прикинь, что он опять учудил...

– Кого-то затопил опять?

Кристина хихикнула, и начала рассказывать про своего недотепистого парня. Я слушала её, и параллельно думала. Курсы оплачены, я даже прохожу их, пусть и в последнюю неделю как попало. Первые три дня я просто лежала на кровати. И лишь вспомнив о ребенке, заставила себя подняться, и жить.

Деньги тают. Мне противно, наличка-то от Марата осталась. Её я и трачу. С карты не снимаю ничего. А наличка... это еще та самая, которую Марат мне перевел после нашего первого раза как оплату. Деваться некуда, я использую эти деньги, купила витамины, заказываю продукты. Аппетита совсем нет, но ребенок-то есть.

Больше у Марата я ничего не возьму. И деньги эти – те, что уже трачу, я их либо ему верну со временем, либо, если не примет, в благотворительный фонд пожертвую. Как только пройду курсы, сразу же работать начну, и заработаю.

Всё у меня будет.

Есть малыш, что растёт у меня под сердцем. Есть крыша над головой. Какие-никакие деньги. Будет работа, будет семья, пусть и мужчины не будет. Не рискну я личную жизнь устраивать, не везет мне с ней. Да и не главное это. Мне бы только устроить свою жизнь, и успокоиться.

И придумать, что делать дальше с папой. Как можно оставить всё так, как есть?!

Я помыла за собой чашку, и попрощалась с Кристиной, забрав запасную зарядку для ноутбука, которую у нее попросила. Черт, еще и ноутбук нужен. А вообще, неплохо бы себя перебороть, и приехать к Марату за вещами, дождавшись, пока он уедет на работу.

Трусиха.

Уже шагая по лестнице, я поняла, что меня ждут. Нет, я не слышала звуков дыхания. И голоса. И шагов. Просто воздух сгустился, кожу начало колоть тонкими иглами, и колени ослабли. И едва я свернула в коридор, увидела его.

Марата.

Он рано сегодня. Рабочий день еще не закончен. Я потому и вышла к Кристине, что не ждала, что Марат явится в такое время. Вечером-то я не высовываюсь.

Он обернулся. Рукой в стену уперся. Смотрит, давит своим взглядом.

А я на грани обморока. Или за гранью. Но на ногах каким-то чудом еще держусь.

– Поговорим? – хриплым, низким голосом спросил он.

Глава 2

Каждый шаг словно через загустевший воздух.

Я ненавижу Марата. Это не обманка, я не лгала самой себе. Я это чувствовала – ненависть. Но сейчас вдруг надежда проклюнулась. Убогая, как одуванчик рядом с мусорным баком.

Может, я всё не так поняла? Может, Марат просто удерживал папу? Избивали, пытали, и он рассказал Марату всё то, что мне поведал. Может, жив? Ну не мог ведь Марат так поступить! Просто не мог, это в голове не укладывается. Да и не убийца он, а бизнесмен. А смолчал тогда в трубку на мой вопрос, потому что захотел мне больно сделать. Хоть как-то за обман отомстить, пусть и подобным жестоким образом.

Так же? Папа жив?

Взглянула в его глаза, и словно порезалась о битое стекло. Ничего понять не получилось. Это не просто густой воздух, это тяжелый туман. И он в моей голове, в моих мыслях. Мешает. Отравляет.

– Давай поговорим здесь, – прохрипела.

– Открывая квартиру, Алика. Хватит прятаться.

Снова командует. Ладно. Раз уж Марат решил, что ему пора проникнуть в мой дом, он все равно это сделает. Не удержу.

– Ты уйдешь, когда я попрошу. В этом доме решаю я, – вставила ключ в замок, и повернула.

Громко идет. Почему вообще так тихо? Это пугает. Зловеще всё это.

Впустила его, скинула свои сланцы, и обернулась, все также не глядя Марату в глаза.

– Разуйся только.

– Я помню, – он не стал спорить, и скинул обувь.

Прошла я на кухню. А следом пришел и Марат. Дико его здесь видеть снова. Но... надежда. Если папа жив, если всё это – наказание, я буду в ужасе, но прошу. Пожалуйста, пусть это будет так!

– Как ты себя чувствуешь, Алика? – Марат первым делом заглянул в холодильник, оглядел полки, и кивнул. – Кофе нальешь? Так что насчет самочувствия? Витамины принимаешь, надеюсь?

«А тебя это вообще касается? – хотела проорать я. – Очнулся!»

– Давай поговорим о другом. Меня интересует...

– Я знаю, что тебя интересует. Сначала про ребенка, – отрезал он.

Ублюдок.

– Я пью чертовы витамины, – рыкнула, поднимаясь со стула. – Питание здоровое, занимаюсь гимнастикой. Даже воздухом свежим дышу.

– А сон?

– Обычный.

– Херовый, судя по твоим глазам.

– Ты реально хочешь поговорить о том, здоровый или нездоровый у меня сон? – зло поставила чашку на стойку, и ударила по чайнику, включая его. – Правда, Марат? А потом? Спросишь меня о сериалах, которые я смотрю?

– Налей мне кофе.

Покачала головой. Неисправим. Не такого я ожидала. Кофе у меня остался только растворимый, арабику же я отдала Кристине. Саму меня от этого напитка сейчас тошнит. Выживаю на какао, и фиг знает, какао – это он, оно, или вообще небинарная личность.

Бесит! Разбить бы чашку, и заорать дурниной. Может, хоть так эта ситуация мне перестанет казаться сюрмом?

– Я рад ребенку, – глухим голосом произнес Марат позади меня. – Прости, что сразу не обрадовался. Я... Алика, я просто психанул из-за обмана, и только. Успокоился, в голове всё разложил, и понял тебя. Я рад. Я охереть как счастлив, что именно ты станешь матерью моего сына или дочери.

Обернулась к нему. Сейчас я – воплощение горя. Его квинтэссенция. Чувствую горе в душе, в сердце, на кончиках пальцев.

Если бы Марат сказал мне эти слова в тот самый день, то всё было бы по-другому. Это ужасно, но я не поехала бы прощаться с папой, я бы снова выбрала Марата. Его объятия. И папа бы не попался.

– Надо же, – пожала плечами.

– Ты должна была это знать. Алика, ты точно не собиралась сбежать от меня?

– Нет! Не собиралась я! Я же объясняла тебе. Просто попрощаться с папой поехала. Помнишь, я ездила с Русланом по магазинам? Так вот, в магазине меня папа и нашел. Дал сим-карту, и сказал что свяжется со мной. Я ждала. Связался. Предложил уехать с ним, а я... я тебя выбрала тогда. Нас.

Не знаю, зачем я оправдываюсь. Надежда есть, но она слабая. Иллюзорная даже, и я прекрасно это понимаю, но не могу не надеяться.

Да и не хочу я, чтобы между нами недомолвки остались.

– Что с моим отцом? – спросила спокойно, и вдруг метнулась к Марату. За руку его схватила. – Скажи, я же ошиблась, да? Он живой. Живой? Марат, я всё пойму, клянусь – то, что удерживали его, пытали, избивали. Что угодно! Просто скажи, что он жив!

– Ты в курсе, что твой отец торговал оружием?

– Мне плевать! Я другое спросила у тебя!

– И наркотиками, Алика, – Марат смотрит на меня внимательно, говоря всё это. – Когда происходило изъятие наркотиков, не все они попадали в вещдоки. Твой отец сдавал наркоту шпане, покрывал их, и имел с этого отличные деньги. У твоей мамы была лошадь, дорогой скакун. Она увлекалась, ведь так? Откуда деньги на такое удовольствие, угадай?

– Марат...

– На нем много грехов, – отрезал Марат.

– Папа, всё же, мертв?

– Да. Я не планировал, – добавил он, нахмурившись. – Не планировал убирать его сразу. Так... вышло. Один из моих людей поторопился. Мне жаль, что ты прошла через подобное. Я вообще не думал, что ты узнаешь о моих планах. Мне жаль, да. Но мне не жаль, что Владимира Веснина больше нет. За это извиняться я не стану.

Отшатнулась от него в ужасе. Думала, свыклась с мыслью, что папы нет, но нет. Больно до сих пор. И от того, что от семьи остались только я, и малыш под моим сердцем. И от того, что именно Марат лишил меня отца.

И от того, что он говорит.

– Грехов на нем много, да? А на тебе, безгрешный мой? – прошептала помертвевшими губами. – Ты у нас святой, и тебя не за что убить? Может, мне киллера нанять? По твоей логике, я имею на это право. На месть. Так?

– Так.

– Закон джунглей, – скривилась. – Мне жаль Егора. Искренне. И папа виноват, пусть и не он пытал. Только бил. Хотя... избиение связанного заключенного – это и есть пытка, наверное. Мне, правда, жаль твоего брата, Марат. Но знаешь, это мой папа! Я бы любила его, будь он палачом, будь он чертовым маньяком. Я бы всё равно его любила! Ты даже шанса не дал ему. Егор жив, а мой папа...

– Егор жив только чудом. Алика, хватит об этом. Успокойся.

– Не успокаивай меня! – выкрикнула, разозлившись. – Хочешь, чтобы я перестала психовать? Хочешь хоть что-то хорошее для меня сделать?

– Я много хорошего для тебя сделал.

– Ты хорошо трахал меня, – припечатала. – Тут согласна. Что еще? На Мальдивы отвез? Ммм... прости, не припомню, что же ты такого хорошего для меня сделал. Просто всё перекрыл тот факт, что **ТЫ МОЕГО ОТЦА УБИЛ!**

– Мне жаль, что тебе плохо. Алика, я дам тебе время. Понимаю, что тяжело, но ты меня-то пойми! Просто поставь себя на мое место, – Марат поднялся со стула, так и не дождавшись кофе.

– Не трогай! – отступила на шаг. – Жаль тебе? Сомневаюсь! Ты просто монстр!

– Я тебя люблю.

– А я тебя ненавижу! – выплеснула я ему в лицо то, что чувствую. Сейчас очень ярко.

Надежды нет. Папы нет. Я есть. Но не понимаю, что делать.

А ведь кое-что я обязана сделать. Что-то очень важное.

– Аль...

– Верни мне его тело, – прохрипела, говорить больно после крика и подавленных слез. – Сделай хоть что-то. Я хочу проводить папу достойно. Или вы его в цемент закатали? – опалила его своей яростью.

Марат выдержал мой взгляд.

Он осунулся за эти дни. Выглядит даже хуже меня. Одним словом – дерьмово.

– Верну. Будут тебе похороны, – Марат устало потер лоб ладонью. – Садись, давай поговорим, обсудим, и...

– Уходи, – указала на дверь. – Уходи, иначе я закричу.

– Нам придется поговорить.

– Нам не о чем разговаривать.

– У нас будет ребенок. И до сих пор есть мы. Ты и я. Ты поймешь со временем.

Какая невообразимая жестокость. Марату жаль, что мне жаль, но я должна понять. А я не понимаю. Такая вот я непонятливая, ценящая жизнь, а не мечь и смерть.

– Как только я получу тело, поговорим. Верни мне отца. Живым не вернул, так хоть мертвым его отдай. И... уходи. Я устала.

Марат внимательно взглянул на меня. Сделал еще один шаг, от которого я отшатнулась, здорово приложившись спиной о шкаф. Видимо, это Марата и остановило. Он вышел в коридор, быстро обулся, и у двери тихо сказал:

– Я тебя люблю. Со временем ты сможешь меня если не простить, то понять. Ничего не кончено, и я тебя верну.

Глава 3

Утро. Я сижу на приеме у врача, и боюсь, что Марат прознает. Заявится. И что тогда делать?

Он четко дал мне понять, что не жалеет о своем поступке. Честно говоря, всю неделю, когда он приходил под мою дверь, я думала, что он извиняться будет. Каяться.

Ошибалась.

Я вообще часто ошибалась в нём, хотя думала, что разгадала.

Дурочка.

– Стресс точно не повлиял?

– Нет, но по возможности исключите его. Прививки, я вижу, все сделаны... так, замечательно. УЗИ нужно будет пройти до тринадцатой недели. Вам сделаем на одиннадцатой, исключим аномалии. Не бойтесь этого слова, – строго взглянула на меня врач. – Через УЗИ сейчас все проходят. Затем советую НИПТ-тест, но об этом позже.

– А что это?

Врач принялась рассказывать. Затем мне выписали еще витаминный комплекс, и кое какие лекарства. Гормоны, все же, шалят. С тоской думаю, смогу ли я всё это глотать каждый день. Уж очень много.

– Через неделю как штык ко мне, – строго напомнила врач на прощание. – До конца первого триместра, сами понимаете, я буду строго вас контролировать. И Алика, я не буду вас просить закрываться дома, это глупость, и витамин Д полезен в умеренной дозировке, но на время откажитесь от общественного транспорта. Сейчас не сезон гриппа, но первые месяцы – самые важные. Только дома, повторяю, не сидите. Солнце полезно!

– Так точно, – закивала. – Спасибо.

Передала этой приятной женщине картонный пакет, в который вместила первый этап своей благодарности – марципановые конфеты, французский коньяк и конверт. Клиника частная, деньги я платила немалые, но я до того благодарна докторам, что этот подарок кажется мизером.

– Спасибо и вам. Берегите себя. До следующей недели.

– Всего доброго, – кивнула, и вышла из кабинета.

Марат не узнал, что я в клинике. Слава Богу!

Я всё утро здесь проторчала на нервах. Сдала кровь на всевозможные анализы, таскалась по осмотрам, и наконец была на плановом приеме своего ведущего врача. Явилась в восемь тридцать, а сейчас... ничего себе! Половина двенадцатого!

Марат на работе, должно быть. Не может он позволить себе преследовать меня целыми днями. Работа требует внимания. И это замечательно. А я ведь злилась одно время, что он столько времени в офисе пропадает, глупая.

Злилась но, тем не менее, гордилась его успехами. Сам всего добился.

Пф-ф-ф-ф...

Может, раз он на работе, доехать до его квартиры? Вещи, как я поняла, он и не собирается мне отдавать. Не помню, говорила ли я ему об этом вчера. Но точно писала.

Вызвала такси до дома Марата, и через минуту трусливо отменила.

Не могу. Не готова. Не отболело еще.

Изменила адрес до моей квартиры, надела медицинскую маску, и загрузилась в машину, придерживая на коленях пакет с лекарствами.

«Привет, как твое самочувствие? Не тошнит по утрам?» – прочитала я сообщение от Марата.

Пошел ты к черту!

Неожиданно для самой себя усмехнулась. Никогда не верила в муть, что мысли материальны, но вот, пожалуйста, всё сбылось. Думала, что папа мертв, и его нет. Планировала забеременеть от Марата – и снова сбылось. Изначально уверена была, что растить ребенка стану одна – и снова в яблочко.

Может, завести соцсеть, и организовывать марафоны исполнения желаний? Отличный бизнес, слышала. Миллионы можно заработать.

«Алика, просто ответь мне. Знаю, что ты не хочешь разговаривать, но если будешь молчать, я сейчас же к тебе приеду» – пришла угроза.

Оставь меня в покое, Соколовский!

«Чувствую себя хорошо. Не тошнит» – коротко ответила ему.

«Выбери врача, вместе сходим. Хочу убедиться, что с тобой и ребенком все хорошо. Кстати, я проверил движение денег по карте. Не экономь. Это и твои деньги»

Сначала хотела ответить Марату, чтобы он не исполнил свою угрозу, и не явился ко мне домой, но в последнем сообщении не было вопросительных знаков. Значит, и отвечать не на что.

Вышла из такси. Настроение немного поднялось, благодаря тому что с малышом всё хорошо. Немного виноватой себя из-за этого настроения чувствую. Папа мертв, а я тут радоваться пытаюсь.

– Не думать об этом. Не думать, – дала себе установку, и принялась раскладывать лекарства – блистеры отдельно, инструкции отдельно. Именно так я привыкла хранить таблетки.

Проверила холодильник, и сверилась со списком от диетолога. Он увеличил мою норму на пятьсот килокалорий, вписав необходимые продукты. Их я и заказала доставкой. Курьер придет через тридцать минут. Отлично, пока займусь курсами.

Включила ноутбук, вошла в личный кабинет, и только включила видеоролик с уроком, как в дверь позвонили.

Неужели курьер так рано?

Или... Марат?

Прижав руку к сердцу, подошла к двери, и взглянула в глазок.

Соколовский. Да. Но не Марат.

Егор. На коляске, без сопровождения. Пандусов у нас в подъезде нет. Не понимаю, как он забрался даже на наше крыльцо. И... не понимаю, впускать его, или трусливо спрятаться.

Я не хочу снова нервничать. Сама я бы выдержала, но сейчас я обязана беречь ребенка. Впустить? Сделать вид, что никого нет дома?

Егор протянул длинную узкую трость вверх, и снова нажал на звонок.

И я открыла ему.

– Эмммм... привет, – пробормотала, вглядываясь в его лицо.

Оно спокойное. А в глазах жалость.

Дьявол!

Ни от кого из Соколовских я не собираюсь принимать соболезнований! Даже от Егора!

– Привет. Впустишь?

– Ты один?

– Рус внизу. Из него я выбил твой адрес.

– Зачем? – я посторонилась, пропуская мужчину.

– Прости, коляска не самая чистая. После меня придется протереть пол.

– Ничего. Так... зачем ты здесь?

– Угостишь чем-нибудь? – снова ушел Егор от темы, жутко напомнив мне этим Марата. Тот тоже редко отвечал на не интересующие его вопросы.

– Кофе только растворимый. Есть фруктовый чай. И какао. Несквик.

– А налей какао, – обаятельно улыбнулся Егор. – Лет с тринадцати не пил.

Пф-ф-ф-ф... ну ладно. Под не давящую на меня тишину, подогрела молоко, разбавила его водой, и размешала Егору какао.

– Спасибо, – принял он чашку.

– Не за что. Итак?

– Как ты?

– Я?

– Да, Алика. Как ты? Я не знаю, что произошло, но догадываюсь, что ничего хорошего. Руслан мрачный, Марат как собака бешеная. Ты съехала. Наташа из-за этого рвет и мечет. Она звонила, но...

– Но я не брала трубку, – перебила я. – Пока не готова, извинись, пожалуйста, перед своей тетей.

– Ты не готова с ней общаться, – кивнул Егор. – И мне не особо обрадовалась. Я сделал из этого выводы.

– Возможно, твои выводы ошибочные?

– Вряд ли. Дело в твоём отце?

Я опустила глаза.

– Ясно. Он хоть жив?

– Поговори об этом с Маратом, – просипела в ответ и, чтобы спрятаться от внимательного взгляда, поднялась, и принялась делать какао и себе.

– Понял. Значит, нет. Как ты справляешься, Алика?

– Ты приехал посочувствовать? Не стоит. Только не ты! Или... или ты приехал просить вернуться к Марату?

– Нет, – твердо ответил Егор. – Я предпочитаю не вмешиваться в чужую жизнь. Видишь ли, для любого инвалида это болезненная тема – неприкосновенность. В определенный момент времени все близкие решают, что у такого как я нет ничего личного. Даже самые любящие люди так себя ведут. Потому я не буду тебя просить вернуться к моему брату, хотя вижу, как ему херово. А сочувствие мое ты вряд ли оценишь. Но оно есть.

– Есть? – резко обернулась я.

– Я его ненавидел сначала. Отца твоего. А потом, заешь, перегорело. Вообще всё. Силы уходили на борьбу с этим, – он с ненавистью взглянул на свои ноги. – Ни на любовь, ни на всё остальное сил уже не оставалось. Я не простил, я просто отпустил.

– Мне жаль.

– Я знаю. Ты добрая девочка. Ты здесь вообще ни при чём. Но, прости, один раз мне придется влезть в твою жизнь. За этим я и приехал. Не просить, а попытаться объяснить. Мне ничего не рассказали о том, что произошло, но я догадливый, к сожалению.

– Я заметила, – взяла чашку в чуть подрагивающую ладонь, и опустилась на стул.

– Я просто хочу, чтобы ты кое-что поняла. Я – старший из братьев. Родителей не стало, и тянули младших мы с Маратом. Зарабатывали неплохо, но на всех не хватало. Жили все вместе, чтобы сэкономить, так как за одного нужно было за баскетбол заплатить, другому – курсы английского, и так далее. Мы оба чувствовали свою ответственность за семью. Особенно когда потеряли маму и папу. Это нас еще сильнее сблизило. А затем, – Егор чуть скривил красивые губы, – со мной случилось это. Я выжил-то чудом. Вроде и переломанный лежал, но вдобавок любую болячку стал подхватывать – простуды, пневмонию... чего только не было. А до больницы я вообще не болел ничем, здоровье было отменное. Все эти болячки меня в больнице задерживали. Деньги шли только на меня. Марат... мы привыкли вместе делить ответственность, но неожиданно она на него одного свалилась. Ему пришлось не только младших на себе тянуть, но и умирающего брата. И работать при этом.

– Я сочувствую.

– Не стоит, это в прошлом. Я это к тому, что Марат привык чувствовать себя главным. Он как принял единоличную ответственность на свои плечи, так и не снял её до сих пор. Его здорово подкосила моя инвалидность. Если бы такое случилось с кем-то другим из братьев, возможно, было бы по-другому. Но со мной... понимаешь, я же с ним возился в детстве. Ненамного старше его, но меня отец учил костер разжигать, в лесу выживать, и так далее. А я учил Марата. Затем мы всё поровну с ним делили, вместе думали, где достать деньги, и так далее. И когда со мной случилась беда, я не сломался, а он – да. Сломался, обозлился на несправедливость, и вбил себе в голову, что нужно отомстить. Если честно, первое время я поддерживал эту идею, сам ведь ненавидел твоего отца. А потом остыл, решил свою жизнь на это не тратить. Но Марат не смог остановиться, – Егор перевел взгляд в окно, грея при этом ладони о чашку. – Каждый раз, когда мы встречались с ним глазами, я видел это – ярость. Для брата я почти покойник. За это он и отомстил. Зря он это сделал, Алика. Это неверный выбор в пользу прошлого, а не будущего. Я не выгораживать его приехал, я просто хочу, чтобы ты хоть немного его поняла. Возможно, тебе самой станет хоть немного легче от этого.

– Легче? – грустно усмехнулась я.

– Да. Легче, – отрезал он. – Надеюсь. Не бери пример с моего брата. Он горел ненавистью, и что хорошего вышло? Ничего. Вот и ты отпусти. Пусть сложно, пусть больно, но отпусти. Не ненавидь. Если любишь – попытайся простить, или не пытайся, и делай так, как велит сердце. Но не повторяй чужих ошибок. И... спасибо за какао. Как будешь готова – позвони Наташе, пожалуйста. Она волнуется, что ты пропала.

– Я постараюсь позвонить ей вечером. Не брала трубку... срываться на ней не хотела, – призналась я тихо.

– Я понял. Мне пора.

– Может, перекусишь? Или еще какао?

– Нет, – хохотнул Егор. – Спасибо, но если я задержусь, Руслан поднимется за мной. А ты, как я заметил, не особо его жалуешь.

Спорить с этим я не стала. Егор поехал по коридору, и у двери я спросила:

– Как твоё лечение?

– Пока сдаю анализы. Выписали курс витаминов, уколы. Организм ослаблен, как только подлечусь, лягу на операцию.

– Я бы хотела, чтобы она была удачной, и ты встал на ноги. Искренне, – прошептала, взявшись за ручку двери.

– Я тоже, Алика. Ты представить себе не можешь, как я сам этого хочу. Пусть и забыл, что это такое – ходить на своих ногах.

– Удаchi.

– И тебе, – ответил он, и выехал на лестничную клетку.

Я закрыла дверь, и медленно пошла на кухню. Телефон, лежащий на кухонном столе, вибрирует.

«Похороны завтра. Я всё организую. Зови, кого считаешь нужным. Аптекарьская сто двенадцать, 13:00» – прочитала сообщение от Марата.

Сделал, всё же.

Вот только благодарить его за это я не собираюсь.

Глава 4

МАРАТ

Двенадцать тридцать. Алики нет, но она придет, никуда не денется.

– Зачем ты здесь? – спросил у брата.

Рус лишь молча мотнул головой. Ему Алика не обрадуется, у неё с Русом взаимная антипатия, грозящая перерасти в ненависть. Впрочем, едва ли она может ненавидеть кого-то сильнее, чем меня...

– Двенадцать сорок. Думаешь, придет?

– Да, – ответил брату.

И буквально сразу в Зал прощаний вошла Алика.

Я далеко не трус – и отец, и Егор сызмальства приучали меня смотреть своим страхам в лицо. И сейчас мне страшно, но я смотрю на лицо Алики. Боюсь увидеть искривленные при виде меня губы, сжатые зубы – всё, что выдаст в ней отсутствие любви.

Ненависть.

То, что я уже видел на ее лице, когда приходил.

А еще до ужаса страшно посмотреть в ее глаза, заметить их красноту и припухлость от слез. Но я снова вспомнил, что не трус, и посмотрел. Нет там слез. Ненависти тоже нет. Алика собрана, грустна. Она смирилась.

И она равнодушна.

– Здравствуй, Марат. Руслан, – она по очереди кивнула нам.

Сама подошла. Лучше бы... дьявол, лучше бы повела себя как истеричка! Показательно игнорировала, отворачивалась, отказывалась разговаривать. Выкрикнула бы мне в лицо проклятия. Да что угодно, что продемонстрировало бы мне её неравнодушие.

Неужели, потерял? Окончательно?

Пожалуй, я трус. В Алике нет эмоций ко мне, и я больше не могу смотреть на неё.

– Прощание в час дня. Кто-нибудь еще придет? – спросил, не глядя.

– Нет. Я одна. Тебе... вам, – поправилась Алика, – стоит уйти.

– Я не уйду.

– Это насмешка – прощаться с тем, кого сам же и...

– Я хочу быть рядом, – отрезал.

Ну же! Вспыли, закричи! Прогони меня, черт бы тебя побрал!

И снова нет. Алика не стала спорить. Ей и правда всё равно – останусь ли я на похоронах того, кого убили из-за меня, или уйду из-за проснувшейся вдруг совести.

Прощание вышло коротким. Тело я приказал привести в порядок. Знал, что Алика захочет увидеть, убедиться. Она сжала сложенные ладони Веснина, поцеловала его в лоб, и отошла.

А дальше были печь и колумбарий.

Меня не должна мучить совесть, я ненавижу этого человека! Частенько я слышал красивые фразы: «Только Бог решает, кому жить, а кому нет», «Никто не имеет права отнимать жизнь и судить», и всегда они мне ересью казались, устаревшими догмами.

Если есть сила, так почему ею не воспользоваться? Почему я не имею права решать судьбу того, кто погубил моего брата?

Я думаю об этом сейчас. Я думал об этом и тогда, получив звонок от охраны Алики.

Чувствовал, что после нашей ссоры с ней нельзя спускать глаз, напомнил об этом телохранителям. Встревожился из-за её остановки у банка, в котором купила валюту. Но ведь вещи она не взяла. Документы оставила. Просто поехала к стоматологу, так же?

А затем звонок. Вошла в туалет, и исчезла. Нашли практически сразу, и человека рядом с ней опознали. С ней был тот, кого я долго искал, на ком буквально помешался – её отец. И машина рядом.

Это взбесило до чертовой аритмии. Сбежать захотела? Выбрала его, а не меня? Не позволю!

И не позволил. Приказал утащить её, увезти домой, а Веснина доставить в ангар. Твердо знал – сам выстрелю, обойдемся без речей, без обвинений. Я просто оборву его жизнь, едва войду. Именно с этими мыслями я ехал до ангара, распаляясь еще сильнее, и чувствуя... отвращение. Отвращение ко всему – к себе, к этому дню, к Веснину. Даже к Егору, ради которого мне приходится делать такой выбор.

Выбор.

С этой мыслью я резко притормозил у ангара. Выбор, этот чертов выбор. Алика поймёт... или не поймёт? Нет, она не поймёт. Но я смогу солгать ей красиво – почему её увезли, почему её отец пропал. Даже если она уже знает причины моей ненависти, я смогу ей солгать. И она поверит. Сама захочет поверить в мою ложь, потому что так проще. Потому что женщины – таковы, они боятся смотреть в лицо правде.

Я убью её отца. Алика останется со мной. У нас будет ребёнок, семья...

В мыслях всё чётко – те самые воспоминания. И что бы я ни говорил Алике, они – мой груз.

Вошёл внутрь. Мы в промзоне на окраине. В ангаре за серыми бетонными стенами. Ангар огромный, пустой, грязный. В нём четверо. Нет, уже пятеро, ведь я тоже здесь. Да, нас пятеро.

Веснин спокоен. Я видел его всего пару раз в жизни, и запомнил четко – жесткого, волевого мужчину с колючим взглядом. Сейчас я вижу перед собой худого, постаревшего Веснина. Практически изможденного. Осанка уже не та, выправка... от неё остался лишь намёк.

А взгляд всё тот же. Колючий. Направлен этот взгляд на меня.

Он не скулит, не оправдывается. Он просто стоит, и ждет, пока я подойду. Знает, зачем мы здесь?

Разумеется, знает. И первое слово он оставил за собой.

– Моя дочь...

– В порядке, – перебил резко. – С ней всё будет в порядке.

– Хорошо. Убивать будешь? – усмехнулся он.

– Да.

– А разговор нужен? Рассказ? Я бил твоего брата, но пытал его другой. Не я.

– Я знаю, – не сдержался, сжал кулаки. Пытали Егора по приказу Веснина. – То есть, не пытал? Не приказал посадить Егора на стул, связать ноги, руки за спиной? Это не пытка – бить связанного парня? Впрочем...

Я замолчал. И не только я, говорить бессмысленно. Я не мечтал, я просто планировал этот день, эти кадры – я и он. И именно я должен его убить, это справедливо, разве нет? Не утихло. У Егора прошло, перегорело, а у меня нет – смотреть день за днем на брата, который раньше был спортсменом, душой компании, вот уже двенадцать лет сидящим в инвалидном кресле. Без шансов на семью, с потерянным здоровьем. Без будущего, только лишь с прошлым. А больше всего питало мою ненависть то, что Егор простил. Сначала горел, как я, а затем махнул рукой.

И всё эта мразь, стоящая напротив меня. Благодаря Веснину у Егора осталось лишь прошлое. Я имею право его убить, и я хочу этого.

Выбор, чертов выбор.

Я смогу обмануть Алику, она поверит...

Во рту желчь. Горечь. Выбор.

Протянул ладонь, и обхватил пистолет, отданный одним из моих людей. Какой, к черту, выбор может быть сейчас, если я сделал его давно?! Так будет лучше для всех. Я смогу освободиться, Алика... она жила без него год, она рассказывала об их отношениях. Тепло ей дам я. Алика не будет страдать.

«Сначала она захочет обмануться, – мысленно повторил я. – Захочет поверить мне, что бы я ни придумал в оправдание. И будет верить. Сколько? Год, два, пять лет? А что потом? Однажды ей надоест закрывать глаза на очевидное. И она припомнит. Докопается до правды, пусть даже и через десять лет рядом со мной. И что тогда?»

Смотрю на Веснина. Он молчит. Смирился, страха нет, предвкушения тоже. Он просто ждет, а я все крепче сжимаю в ладони оружие. И всё сильнее хочу выстрелить, палец подрагивает. Просто поднять руку, и шмальнуть в его сердце. Это секунда. Он захрипит, осядет на землю, и сдохнет. Без пыток, без боли. Главное – его не будет на этом свете. Одна чертова секунда...

И я потеряю Алику.

Вот в чем мой выбор. Потеряю, да. Рано или поздно, когда её затошнит от моего обмана, и самообмана.

Отпустить Веснина я не могу. Допустить, чтобы он общался с Аликой, отравлял её собой – тоже. Убить... убить тоже не могу. Черт. Хочу! Дико хочу, но не могу. Из-за неё не могу! Я бы сейчас рассмеялся как гребанный псих, это крошечный пиздец, но смех не идет.

Мне нужно домой.

А Веснин... я придумаю, что делать. Потом. Время есть. Пусть, сука, живет. Может, есть эта гребаная справедливость, о которой балаболят блаженные дебилы, и он сдохнет от какого-нибудь рака в ближайшие годы. Сам, без моей помощи.

Я просто вышлю его из страны. Запрещу общаться с дочерью, прилетать сюда. Пусть созваниваются раз в год. Этого хватит. А со своей ненавистью я привык жить. Алика мне дороже...

Горечь во рту ощущается все сильнее, меня сейчас вывернет от своих мыслей. От разочарования в себе. Столько ждать, столько, сука, лет, и поплыть из-за женщины!

– Пусть посидит пока, – прохрипел я, и протянул охраннику ствол. – Увезите.

Развернулся, успел сделать четыре шага к выходу, как услышал ненавистный голос:

– Раз уж ты решил не убивать меня, готов поделиться информацией...

А затем раздался выстрел. Хрип. Я развернулся, и успел увидеть, как Веснин оседает на пол.

А по груди его стремительно разрастается кровавое пятно.

Глава 5

13:42 Денис Шагуров:

«Привет. Хотел извиниться за навязчивость. Накатило, сорри. Оказывается, я романтик, представил, как буду рассказывать детям, что влюбился в их мамку ребенком, а затем встретил спустя годы. Захотелось вдруг чего-то настоящего, понимаешь? В общем, реально прости, что доставал и мешал твоим отношениям. Теперь можем просто дружить, если маньячиной меня не считаешь. Я уволился, и я в городе. Вернулся домой окончательно»

Стою на улице у Зала прощаний, перечитываю сообщение от Дениса, а смысла не улавливаю. Пусто мне. До последнего ведь надеялась, что там не папа, но увидела... шрам на виске; родинку на подбородке, из-за которой мама психовала, и каждые полгода отца гоняла на обследование...

Это он.

Покурить бы. За всю свою жизнь я выкурила девятнадцать сигарет. В самые тяжелые моменты, когда трясло, и хотелось со всем покончить, я доставала эту отраву, и все мысли из головы дымом выметало. Жаль, сейчас нельзя. Ни покурить, ни выпить. Может, легче бы стало?

13:58 Я:

«Привет, всё ок. Сам уволился, или он тебя выгнал?»

13:58 Денис Шагуров:

«Сам ушел. Всё норм, подыскиваю не менее хорошую должность. Если захочешь встретиться, то я всегда за. Как ты?»

Хреново. Очень. Ни Денису, ни Кристине я не могу рассказать про то, что случилось. Вместо этого... разные мысли были. Например, набрать Дмитрия Константиновича, и высказать ему всё за его сына. Или Марату намекнуть, чтобы на полумерах не останавливался – моего отца нет, а тот, кто Егора пытал, какого черта живёт?!

Но слова Егора всё еще звучат эхом. Хватит с меня. Пусть и Марат, и Дмитрий Константинович, и Игнатов-младший живут себе дальше, только бы меня не трогали.

Денису я не отвечаю. Продолжаю стоять на улице, хотя надо бы такси вызвать, и домой ехать. Да, надо...

Едва я открыла приложение такси, к моему плечу прикоснулись. Вздрогнула, и ощущение чужой руки тут же исчезло.

– Идем, – сказал Марат.

– Ты мне?

– Подвезу. Поехали, Аль.

Взглянула на него. Ждет. И... ждал. Да, думаю да, а я и не чувствовала, совсем забыла, что кто-то еще в этом мире остался. А Марат всё это время за моей спиной стоял.

– Хватит думать, – голос его звучит устало, равно как и выглядит он вымотанным, – я не отвезу тебя в наш дом, и не запру. Дам тебе еще время. Просто сядь в машину, до дома подкину, или можем в ресторан по пути заехать. Тебе нужно хорошо питаться.

– Давай домой, – подошла к его машине, и села.

Не на заднее сидение, а рядом с ним. Глупо истерики закатывать. Да и в такси ездить в последнее время – пытка из-за вонючих ароматизаторов. А в салоне авто Марата пахнет разве что химчисткой, и его парфюмом.

– Рад, что ты не споришь. Как ты себя чувствуешь?

– Отвези меня к себе домой, – решила вдруг. – Хочу забрать, наконец, свои вещи.

– А я уж было подумал, – он еле заметно покачал головой, но лицо при этом холодное, не лицо, а маска, по которой я думала, что научилась читать.

– Что ты подумал? Что я к тебе возвращаюсь?

– Глупо, да? – взглянул на меня, изогнув бровь.

– Да, Марат. Очень глупо. Сейчас я просто хочу забрать свои вещи. А потом, как ребенок родится... если... – я на секунду почти задохнулась от накрывшего волнения, смешенного с аритмией, – если ты захочешь общаться с ребенком, а не просто пытаться меня привязать с его помощью, то мы это устроим. Я не стану препятствовать.

Марат ничего не ответил. А ведь мог бы и поблагодарить, это решение далось мне тяжело. Хотелось иного – чтобы он просто меня и малыша в покое оставил, и я смогла забыть о его существовании. Может, так и будет. Может, Марат поймет, что я не сука, которой плевать на смерть отца от его руки. Может, ему надоест, и он отступит.

Было бы неплохо.

Мы едем в тишине. Марат достал сигарету, почти прикурил, но быстро смял её, и выбросил.

– Ты в курсе, что я могу забрать ребенка? Любой судья выберет меня, а не тебя. Я могу забрать его или её, поставить тебе условие жить рядом с нами, или нет, и ты вернешься. В дом, в мою кровать. Так?

– Так, – кивнула.

Душа черными гроздьями гнева покрывается. То, что Марат говорит – это голая правда. С его деньгами и властью, он на законных основаниях отнимет ребенка. И я вернусь. Куда я денусь? Я уже люблю этого малыша, он или она – моя семья.

– А если захочешь сбежать, ты понимаешь, что не выйдет? Ты – не твой отец, даже если он и учил тебя. Есть мобильные, есть банковские карты, есть камеры, которыми города увешены... человека найти легко, особенно того, кто не умеет прятаться.

– Я не собиралась, и не собираюсь бежать. Я не преступница, и не идиотка, – прорычала, сжав кулаки.

Мне не страшно. Я дико злюсь на Марата, он говорит всё это так спокойно и холодно, словно секретарше вопросы по расписанию задает. Осознала это, и... успокоилась. Резко, будто под холодный душ встала.

– А знаешь, ты ведь так не поступишь.

– Уверена?

– Нет, – усмехнулась. – Не уверена, Марат. Но... ты станешь отнимать ребенка у меня? Станешь шантажировать? Ты на самом деле такая мразь?

Молчит. Неужели я ошиблась?

– Марат! Так ты способен на это?

– Я не знаю, Алика. Надеюсь, что нет. Я не хочу тебя добивать. Хочу, чтобы ты решила ко мне вернуться, потому что я тебе нужен, а не из-за шантажа. Но... не хочу врать, я и сам не знаю, на что способен. Пока – на то, чтобы дать тебе время.

По крайней мере это честно.

Мы подъехали к знакомому дому. Я уверена была, что войти в него мне будет больно. Невыносимо. Но я спокойно вышла из машины, мы вошли в лифт, поднялись, и оказались в квартире.

Нет, не больно.

Удивительный сегодня день – если я что-то и испытываю, так это вспыхивающий то и дело гнев. Не боль утраты, не горечь и обиду, а гнев.

Марат поднялся со мной на второй этаж, вошел в спальню, и... на нашу кровать я тоже могу смотреть спокойно, как оказалось. На неё Марат и опустился. В уличной одежде, из-за чего я раньше шутливо ругала его. Ну а я подошла к гардеробу.

– Как он умер? Расскажи.

– Пусть пройдет время. Тебе вряд ли полезны стрессы.

– Я просто хочу знать, – обернулась к нему, и дала понять – без ответа я не уйду. – Я имею на это право!

– Его привезли в ангар мои люди. Я хотел сам убить, точку поставить. Почти удалось. Пистолет в моей руке был, с предохранителя я его снял, – Марат резко поднялся с кровати, и сделал ко мне несколько шагов. – Я бы мог его убить. Мог придумать для тебя сказочку, и ты бы поверила мне. Сама бы захотела обмануться, и я это понимал. В голове прокручивал все варианты, пока стоял там, напротив Веснина. И...

– Как. Он. Умер. Как?

– Я решил его не убивать. Ты мне дороже, что бы ты сейчас ни думала, – Марат протянул ладонь к моему лицу, но не прикоснулся. – Мне нужно было время, я приказал увезти его. Развернулся, чтобы уйти, но твой отец дернулся в мою сторону. Он безоружен был. Вернее, нет, у него был ствол, но его изъяли. Вот только реакция у одного из моих людей оказалась очень хорошей. Некстати. Он шмальнул.

Отошла на шаг, прижалась спиной к прохладному косяку.

Вот так глупо? Так просто? Раз, и нет человека?

– Ты передумал убивать папу? – спросила хрипло.

– В тот момент – да. Я хотел этого, очень хотел – выстрелить. Но не стал. Дал себе время, чтобы придумать, как быть. Есть места, где можно долго держать человека, и не знаю, к какому решению я бы пришел – может, убил бы; или выслал из страны; или отправил бы за решетку; или... да хер его знает. Но в тот момент я передумал его убивать, Алика: он бросил мне что-то в спину, дернулся, и... всё. Это тупо случайность.

Тупо случайность, да. Только от этого мне не легче. Жаль, что я так задержалась рядом с папой, и помешала ему уехать побыстрее. Жаль, что вообще поперлась прощаться. Жаль, что долго сидела и тупила в машине, тогда как нужно было тревогу бить, ведь спасти могла, удержать, остановить.

И Марат... он тоже мог выслушать. Не торопиться. Проследить за «своими людьми», пальцами без команды. Верю ли я ему? Да, верю.

Слишком много случайностей произошло в тот день. И все они привели к катастрофе.

– Ясно. Спасибо за рассказ, – сказала холодно, развернулась к полкам со своей одеждой, и... всхлипнула.

Боль. Она пришла, черт бы ее побрал!

Всхлип. Еще всхлип. Горло дерёт огнём, рыдания душат, и вырываются слезами. Случайность. Тупо случайность. Как же так? Ну как?

– Тише-тише... прости меня, Алика. Прости, если сможешь, – прошептал Марат, и прижал к себе, обнимая. – Я не могу исправить того, что случилось... прости.

Глава 6

– И что ты ему ответила?

– Попросила не мешать мне собирать вещи, – пожала я плечами.

Плохо это или хорошо, но Кристине я рассказала всё. И стало значительно легче. Крис поверила мне, хоть и восприняла мой рассказ не как что-то из жизни, а как сюжет фильма.

– И не простишь? Аль, он же не убивал! Хотя, это всё равно кошмар тот еще.

– Убивал, не убивал – итог всё равно один.

– А про этого... ну, как его... про Игнатова ты своему Марату хоть рассказала?

– Чтобы он еще и Дмитрия Константиновича грохнул вместе с его сыном? – поморщилась от этой перспективы.

– А ты их что же, жалеешь? Даже ты не до такой степени блаженна, – Кристина искренне возмутилась.

Точно. Для нее это не история моей жизни, а сюжет.

– Я их обоих терпеть не могу, – призналась, отвернувшись от окна, в которое пялилась, пока рассказывала подруге всё. – Вот правда, ненавижу! И не жалею ни капельки! Но я уже накосячила с папой, сильно накосячила. Я могла отпустить его сразу, и он был бы жив. Могла бы сразу из машины, в которую меня посадил охранник Марата, начать действовать. А я сидела, тупила, время теряла. Отчасти... знаешь, отчасти это и...

– Нет. Вина не твоя, – отрезала подруга.

– Возможно. Марат в курсе, что пытками его брата занимался не мой папа. Если захочет всё знать подробнее – либо сам выяснит, либо у меня спросит. Я скрывать не стану. Но специально об этом говорить я не стану. Просто грех на душу брать не хочу. Тогда я стану соучастницей.

– Ты странная, – заключила Кристина.

Я решила её поправить:

– Я беременная.

– И всё же, Марат решил твоего папу не убивать, – заупрямилась подруга. – Да, сгоряча он натворил всякого, но решение-то верное принял. Или ты не веришь? Думаешь, обманывает? Я покачала головой. Нет, Марат не лжет.

– Ну вот, – вдохновилась Кристина, – ты и сама это понимаешь! Или ты до сих пор думаешь, что у вас не по любви было? Думаешь, он тебя до последнего использовал?

– Нет, – рассмеялась я, причем вполне искренне. – Едва ли Марат меня вообще использовал. Ему не обязательно было приближаться ко мне. Даже знакомиться. Марат просто мог приставить за мной слежку, узнав что я вернулась в страну, и всё получилось бы гораздо быстрее.

Но он меня захотел. И полюбил. Сейчас сомнений в этом нет.

Вот только мне плевать.

– Вот! – воскликнула Кристина, наливая себе очередной бокал вина. – Сама всё понимаешь! Можно же... можно же и... ухх!

– Прекращай пить, – я улыбнулась, но чокнулась с ней, пусть и не бокалом вина, а полюбившимся мне какао.

– Да я ж немножечко. Иногда можно и выпить. Вовка привез марочные вина, вкусняющие такие. Не то что кислятина, которую мы студентами хлебали. Из этих, из коробок, блин. По сто рублей. Фу!

– Раз уж твой Вова помирился с отцом, теперь часто будете марочные вина пить. Не спейтесь только.

– Не, – Кристина махнула рукой. – Вован всего сам хочет добиться, а винишко – это просто подарок. Принял ради меня, чтобы попробовала.

– Ты не попробовала, а напробовалась, – расхохоталась я, глядя на раскрасневшуюся подругу.

Кажется, встанет Кристина со стула, и тут же упадет. Даже сидя пошатывается. Но пить продолжает.

– А может, тебе сбежать? – глаза её загорелись. – Я тебе парик куплю. Выйдешь в нем, никто и не узнает, и не проследит. Такси поймаешь, и на нашу дачу. А Марат пусть пострадает. Точно! Пусть страдает, – хлопнула в ладоши Кристина. – Работать будешь оттуда, с дачи, там он тебя в жизни не найдет. И будет пипец как сильно убиваться по этому поводу! Богатые мужики же на наследниках помешаны, а ты его заберешь. И Марат будет тебя искать... а найдет, когда бэйбик уже родится, и... вау! Давай так и сделаем!

Кристина что-то лепетала про мой побег, а я хихикала, будто не какао, а вина выпила. Я бы обиделась на подругу за такое несерьезное отношение к моей проблеме, если бы она не была пьяна, и... и если бы меня саму не задолбала серьезность. Лучше пусть всякие глупости предлагает, это хоть веселит.

– Остановись, – прижала ладонь к губам Кристины. – Ну какой наследник? Марату титул некому передавать. Если бы он хотел ребенка, давно бы он у него был. Целый выводок детишек бы уже заимел. Рожать-то не ему.

– Но побег – это идея, – прогудела Кристина.

– Это идиотизм.

– Ты же изначально хотела этого – залететь, ничего не сказать ему, и удрать!

Я снова кивнула. Планировала, да, пусть и не собиралась бежать. Но сейчас я понимаю, что даже если бы не было любви – ни с моей стороны, ни со стороны Марата, я бы так не поступила. Всё равно бы призналась, что жду ребенка. Потом жалела бы, вряд ли Марат шутил про аборт, но молчать я бы не смогла. Или смогла бы, но родив, я бы точно сообщила ему.

Может, я и правда блаженная?

– Щас, еще вина хочу. Откроешь мне? – Крис встала, пошла к шкафу, пошатнулась, и я вскочила.

– Всё, тебе точно хватит, – удержала я её за плечи от падения, а взгляд упал на книгу. – Хмм, так вот к чему твои слова про наследников и побеги?

– Ага, – Крис погладила обложку, закрыв ладонью часть названия: «Наследник для...» богатого хрена, наверное. – Она забеременела, но узнала что он женат, и сбежала. Имя сменила, чтоб не нашел! А брак у него фиктивный был, из-за бизнеса, и... он нашел её! Извинился! Там такое было... такое... хочешь, дам почитать?

– Нет, спасибо, – покачала головой.

– Не будь занудой. Это отличная сказка. Настроение поднимает. Я ж понимаю, что в жизни такого не бывает. Если бы я хотела жизненных сюжетов, смотрела бы Криминальную Россию, – Кристина искренне обиделась на меня за то, что я не захотела читать эту книгу.

– Пфф, я сама люблю сказки. Но пока с меня их хватит. Давай-ка ты пойдешь спать, а я пойду домой. И не пей больше! Пожалей Вована, и оставь ему хоть немного этого вина, – с шутилой строгостью сказала я.

– Он бурбон любит. Выпендрежник.

Я помыла свою чашку, бокал Кристины, штопор, выкинула две пустые бутылки от вина, и протерла стол. Подруга в это время позевывала, и терла глаза кулаками. Как ребенок. Несерьезная она. Завидую, причем искренне.

Ничего, отойду, и тоже стану такой, как Крис. Родится ребеночек, буду играть с ним или с ней, целовать, шутить, учить, гулять... всё меня будет. Жизнь не закончилась.

– Идем, закроешься, – поманила Кристину в коридор.

Она, пошатываясь, пошла за мной. Я открыла дверь, и отшатнулась в испуге – на лестничной клетке стоит Марат. В очередной раз заметила, что он как антивещество среди всего этого хрущевского «благословия». Лишний элемент. Вроде и одет просто, золотыми цепями не увешан, но сразу понимаешь – этому человеку здесь не место.

Однако, ходит же. И прекращать не думает. Была бы я более дурковатая, и менее трусливая, точно бы согласилась на идею с париком и побегом. Правда, вряд ли Марат нашел бы меня после родов. Думаю, это случилось бы на следующий день. И Марат с чистой совестью бы забрал меня обратно, заперев при этом, чтобы больше не сбегала.

Я вздохнула, в очередной раз убеждаясь, что побеги – глупость.

– Ой, ну точно, – запищала Кристина. – Я тебя в нашем доме видела! То есть вас... Вас! Видела! Еще до приезда Алики! Я же говорила, – Крис сжала мою руку, и потрянула её. – Лицо знакомое, а ты заладила, что я в новостях его видела, пфф... нифига! В нашем подъезде!

– Иди спать. Ложись не на спину, а на бок, или на живот. Тазик у кровати я поставила. Бутылку с водой тоже.

– Спасибо, милая. Вовчик скоро придет, – зевнула подруга, резко потеряв интерес к Марату.

И через секунду мы с ним остались наедине.

– Я не пила, – зачем-то решила я оправдаться.

– Ты бы так не поступила с ребенком, я в курсе.

– Зачем пришел?

– Тебя увидеть, – пожал он плечами, изучая взглядом всю меня – собранные в пучок волосы, фанатскую футболку «Киш», джинсовые шорты, и, с улыбкой, носки и сланцы. – Замерзла? Лето же...

– Я всегда мерзлячкой была.

– Я знаю. Пригласи меня к себе.

Это не просьба. Чертов Марат! Только раз я услышала от него извинения, и больше не услышу – сейчас я отчетливо это понимаю. Он снова «сверху».

Неисправим.

– У меня другие планы.

– Какие? Дай угадаю – меня они не касаются, так?

– Именно так.

– Хочешь знать про дела своего отца? Хочешь узнать, чем он на самом деле занимался по жизни? Или тебя волнует только то, что он умер?

– Убит, – поправила я Марата.

– Так что? Струсишь выслушать меня, или впустишь?

– Ты будешь говорить про него гадости? – зашипела я, разозлившись. – Я уже говорила, даже будь он серийным убийцей, это мой папа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.